

СЫН РАССКАЗЫВАЕТ ОБ ОТЦЕ

Этот материал появился, можно сказать, волею случая. В одну из поездок в Верхний Мамон с депутатом Государственной Думы шести созывов Русланом Георгиевичем Гостевым останавливаемся возле храма:

— К бабушке зайти надо... — Достает из багажника икону: — В строительстве этого храма принимал участие мой дед. Церковь святителя Митрофана Воронежского... Храмовая икона утрачена. По моей просьбе образ святого написал иконописец из Борисоглебска протоиерей Стефан Домусчи...

Узнаю еще об одном любопытном факте: на колокольне церкви во время войны был наблюдательный пункт, велась корректировка огня по противнику. Маршал Василевский с той колокольни оценивал позиции противостоящих сторон...

Действительно, под руководством Александра Михайловича Василевского в годы Великой Отечественной войны на Верхнемамонской земле готовилась и проводилась операция «Малый Сатурн». И в послевоенный период жизнь славного полководца была связана с этим благословенным краем. В 1946, 1950, 1954 годах верхнемамонцы избирали А.М. Василевского своим депутатом в Верховный Совет...

В тот же день мы с Русланом Георгиевичем созвонились с его другом — сыном маршала Василевского. Так у меня состоялось заочное знакомство с Игорем Александровичем, выдающимся архитектором, автором ряда проектов, получивших высокую оценку во многих странах мира.

А в итоге редакция «Подъёма» для номера, который вы держите в руках, получила, что называется, из первых рук, воспоминания сына о легендарном его отце.

*Эдуард ЕФРЕМОВ,
журналист*

Александр Василевский — легендарный полководец Великой Отечественной войны, а для меня, прежде всего, мой любимый отец. Первые теплые чувства связаны с детскими воспоминаниями о редких воскресных встречах в дни, когда отец не был поглощен работой. Общение с ним всегда сопровождалось долгожданной радостью.

Кто наделил моего отца высокими человеческими качествами, я узнал несколько позже, познакомившись со своим дедом Михаилом, приезжавшим погостить к сыну. Несмотря на свой преклонный возраст, дед остался в моей памяти общительным, добросердечным и веселым человеком, что можно сказать и про отца, хлебосольство которого постоянно собирало вокруг него родных и близких. В молодости дед обладал хорошим голосом, пел в хоре Костромского собора, затем стал регентом, а позднее — священником в селе Новопокровское. В семье росло восемь детей, и все они не только учились, но и трудились в огороде и поле. Отец вспоминал, что мама, Надежда Ивановна Василевская, часто напугивала детей: «Помните доброе, им живите. Доброе душу поднимает». Это трудовое детство в большой дружной семье, близость к церкви, ежедневная причастность к ее миру неизгладимо воздействовали на формирование моего отца и на всю его последующую жизнь.

Духовная семинария, где отец продолжил образование, определила для него эталон высокой нравственности, он предполагал в будущем стать педагогом — диплом давал ему такое право. Объявление Германией войны России в 1914 году изменило все его планы. Движимый патриотическим чувством, он заканчивает экстерном семинарию, поступает в Московское Алексеевское пехотное училище и по окончании его добровольцем уходит на фронт.

Я обратил внимание на одно характерное обстоятельство в жизни отца: судьбе было угодно, чтобы Александр Василевский посвятил себя защите Отечества и просветительству. Именно эта миссия — защита Отечества и просветительство — избранная им в юности, до последних дней оставалась делом его жизни. В армии им были пройдены все ступени — от первой начальной до самой высокой, выпавшей на период тяжелейшей войны. В последующие после окончания войны годы судьба вернула его к неосуществленной мечте юности — просветительству. Он собственноручно написал книгу «Дело всей жизни», где скрупулезно изложил, давая подробный разбор сражений, весь ход Второй мировой войны, а также события своей жизни, пережитые им заново. Я никогда не видел отца не поглощенным работой! Он работал всегда, даже когда бывал не совсем здоров. Каждое утро он входил в свой кабинет, садился за стол, на котором стоял портрет мамы, и продолжал прерванную вечером работу. Так ежедневно, по велению сердца он разбирал и фиксировал для истории стратегические партии минувшей войны. Рукопись книги написана его четким, красивым, каллиграфическим почерком, тем самым, каким он писал ежедневно фронтовые донесения в ставку Верховному Главнокомандующему.

Книга «Дело всей жизни» еще при жизни отца стала классикой военной мемуаристики. Изданная во многих странах, она вызвала широкий интерес, поток писем читателей, отклик военных историков. Однако отец и после издания продолжал ее совершенствовать. Третье издание он, увы, не увидел, но книга «Дело всей жизни» вышла с внесенными им необходимыми дополнениями.

Работал отец за вместительным массивным столом, стоящим у широкого окна — эркера. Из окна открывался вид на поляну, — заснеженную зимой, а летом покрытую травой и полевыми цветами. Вдоль стен кабинета размещались книжные шкафы из темного ореха с тщательно подобранными книгами по истории войн, военному искусству, мемуарами полководцев и военачальников с дар-

Маршал Советского Союза А.М. Василевский. Май 1944 г.

ственными надписями. В библиотеке отца находилась также художественная литература, книги по искусству, истории России, книги, посвященные родным местам его детства и юности, — ими он особенно дорожил. Воспоминания часто возвращали его туда, где он когда-то жил с отцом и матерью. После войны его мечта, наконец, сбылась — вместе с семьей он отправился на теплоходе по Волге в край своего детства. Просить разрешение на это путешествие пришлось у главы государства.

Мемуарная работа отца сопровождалась обширной перепиской, одинаково уважительной и внимательной к любому собеседнику: от писателя, крупного военачальника до ученицы, собирающей реликвию войны для школьного музея боевой славы. Александр Михайлович часто проявлял безграничную щедрость и отправлял в сельские музеи личные вещи, связанные с историей войны, в то время как на них претендовали крупнейшие музеи.

Большая ответственность, добросовестность, обязательность, требовательность отличали его всегда и во всем — он не делил проблемы на важные и несущественные.

После войны отец постоянно получал сотни писем, которые шли к нему со всей страны. Он внимательно читал их, и не только отвечал, но и решал проблемы обратившихся к нему людей, благодаря уважению, которым пользовался, и присутствующему ему аналитизму мышления, — его ходатайства были так обоснованы, что ему невозможно было отказать. Он помогал найти работу, получить квартиру, достать редкие лекарства и во многом, многом другом...

Иногда в семейном кругу отец зачитывал неопубликованную часть мемуаров, написанных с надеждой, что когда-нибудь они увидят свет. Горько вспоминать, что после смерти отца этих неопубликованных материалов, как и законченной им рукописи книги «Патриотизм советской молодежи в Великой Отечественной войне» в его кабинете не оказалось. Последняя большая работа маршала о патриотизме

ме была предпослана им молодежи, чье будущее его глубоко тревожило. Существует слабая надежда, что все эти материалы когда-нибудь возникнут из тайных источников.

В военные годы дома никогда не обсуждались служебные вопросы: «стены слушали», да у отца на разговоры и времени не было. Работа в ставке заканчивалась глубокой ночью, а точнее — с рассветом. Несколько часов сна — и утром снова напряженная работа, и так изо дня в день.

Хочется вспомнить эпизод времен начала войны, дающий представление об атмосфере и особенности условий работы. Как-то под утро отцу позвонил начальник Западного фронта генерал Соколовский: «Срочно нужны подкрепления, не удержимся!» Генеральный штаб находился в те дни в эвакуации, генерал-майор Василевский являлся начальником Оперативного управления Генштаба при Ставке. Поскребышев не решился разбудить Сталина, поскольку тот не спал несколько ночей и только что заснул. А положение создалось критическое. И тогда отец позвонил Светлане, дочери Сталина: «Нужно безотлагательно согласовать решение. От него зависят судьбы тысяч людей. Очень прошу — разбуди отца!» Через несколько минут Верховный позвонил в Генштаб и вопрос был решен.

Время, когда отец занимал должность начальника Генерального штаба, а затем министра обороны СССР, совпало с моим детством и юностью. Наша семья жила на улице Грановского, в доме 3. Надо сказать, что атмосфера, которая царила в окружении семьи, была весьма необычной. Вездесущие глаза и уши вынудили нас к обыкновению не высказывать мысли вслух. Система вмешивалась, регулировала и даже прекращала общение с друзьями.

Когда мы с отцом бывали где-нибудь вместе, это оставляло во мне яркий след. В феврале 1943 года отец, будучи в Москве, взял меня в Кремль на вручение ему ордена Суворова I степени. Фотография запечатлела на память это событие: Председатель Верховного Совета СССР М.И. Калинин и А.М. Василевский с восьмилетним сыном.

Иногда я с мамой и папой отправлялся в театр. Однажды в конце войны во МХАТе мы смотрели спектакль «Синяя птица». Во время спектакля в ложу, где мы сидели, вошел с сопровождающими И.В. Сталин. Столь волнующая по своей неожиданности встреча затмила спектакль. В антракте Сталин заговорил со мной, интересуясь, где и как я учусь.

В 1943 году я поступил учиться в московскую школу №110. Без преувеличения скажу, что повторно начала учиться со мной моя мама, окончившая в 1917 году Астраханскую гимназию. Она-то и была моей первой учительницей и наставницей. Поскольку отец забирал нас с собой на фронт, я учился в начальных классах в основном не в школе, а в походных фронтowych условиях. Порученец в Москве по заданию отца ежедневно в конце занятий в школе узнавал, что задано и по специальной телефонной связи — ВЧ — передавал уроки на фронт. При таком контроле неукоснительное выполнение всех заданий впоследствии стало привычкой, и летом 1953 года к серебряному диплому мамы прибавился мой золотой аттестат зрелости.

Однажды в середине войны в загородном доме в Волынском, который находился рядом с «ближней» дачей Сталина, отец позвал меня и, когда мы остались наедине, признался, что не знает, что с ним будет завтра. Отец был очень сдержан, но я понял, что он со мной прощался. Угроза, которая висела над ним, исходила не от военных действий на фронте, а от Берии и подвластного ему НКВД.

На протяжении многих лет Василевский работал с чудовищной моральной и физической перегрузкой. Очевидцы из Генерального штаба вспоминают, что бывали моменты, когда маршал в результате бессонных ночей на секунду отключался над картой.

Как он выдерживал это постоянное напряжение, как он вынес то, что суммарно легло на его плечи? Я думаю, ответ в следующем. В свое время он научил меня играть в шахматы. Когда мне однажды удалось его обыграть, он сказал: «Жаль, что ты не можешь сыграть со мной на военных картах». В этом признании заключалось, с одной стороны, сожаление о том, что военный талант и дар нельзя передать сыну, а, с другой — он раскрывался сам. Это была его стихия, увлеченность, призвание, а точнее дар Божий, озарявший решения сложнейших военных операций и задач. Примечательно, что на этой стезе Александр Василевский не потерпел ни одного поражения, не проиграл ни одного сражения!

15 мая 1941 года, всего за 37 дней до начала Великой Отечественной войны, заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба А.М. Василевским был разработан и написан собственноручно документ, получивший название «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками».

Его должны были подписать народный комиссар обороны маршал Советского Союза С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков.

Хотя подписи под документом отсутствуют (он в целях секретности был написан в единственном экземпляре), многие историки полагают, что этот документ стал руководством к действию. В конце его сказано, что при «ударе противника» следует «прикрыть сосредоточение, развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление».

Теперь иные публицисты извращают смысл этого документа, используют его для утверждения, будто бы Советский Союз готовился первым начать войну против фашистской Германии. Тогда как А.М. Василевский подчеркивал, что мы еще не готовы к войне. Подготовка к отражению фашистской агрессии шла предельно ускоренными темпами. Нападение Германии ожидалось не ранее 1942 года.

Внезапное нападение фашистской Германии в середине 1941 года привело к тому, что, несмотря на ряд существенных контрударов Красной Армии, войска отступали по всем направлениям, и к декабрю линия фронта проходила у стен Ленинграда, Москвы и Ростова-на-Дону.

Но вот что значительно: автор «Соображений...» А.М. Василевский 31 июля 1941 года назначается заместителем начальника Генерального штаба и начальником его Главного оперативного управления.

К осени 1941 года гитлеровская Германия сосредоточила максимум сил и средств на Западном направлении с целью захвата Москвы. Ее военное и политическое руководство понимало, что пока Москва остается вдохновляющим и организующим центром борьбы, война будет продолжаться, а в их планах было завершить войну до наступления зимы. На совещании в штабе группы армии «Центр» Гитлер говорил, что Москва должна быть окружена так, чтобы «ни один русский солдат, ни один житель — будь то мужчина, женщина или ребенок — не мог ее покинуть. Всякую попытку подавлять силой».

30 сентября началась великая Московская битва — по нашим войскам, прикрывавшим московское направление, были нанесены сильные удары. Главным рубежом обороны для советских войск стала Можайская линия. Государственный Комитет Обороны направил в район Гжатска и Можайска своих представителей — К.Е. Ворошилова и В.М. Молотова, а в качестве представителя Ставки — А.М. Василевского. Одной из основных задач, возложенных на него, была организация обороны на этом рубеже. «Он поддерживал непрерывную связь с И.В. Сталиным и в одном из разговоров внес предложение объединить Западный и Резервный фронты. И.В. Сталин одобрил рекомендацию. Командующим объединенным Западным фронтом был назначен Г.К. Жуков... Роль А.М. Василевского в Мос-

А. М. Василевский (в центре) на наблюдательном пункте. Осень 1942 г.

ковской битве весьма значительна» (И. Х. Баграмян. «Слово о маршале Василевском»).

Гитлеровцы рвались к Москве. Опасность, нависшая над Москвой, неизмеримо возросла, фронт приблизился к городу. Началась эвакуация. В дни Московской битвы мама и я, как и другие семьи работников Генерального штаба, были эвакуированы в восточные районы страны, в город Чебаркуль Челябинской области.

В Москве остались Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования и минимально необходимый для оперативного руководства страной и Вооруженными Силами правительственный и военный аппарат. 16 октября эвакуировался в район Арзамаса и Генеральный штаб во главе с маршалом Б. М. Шапошниковым. В Москве была создана оперативная группа из девяти человек, возглавить которую было поручено А. М. Василевскому. Несмотря на возражения Василевского, что такое количество офицеров — 8 человек — не может обеспечить необходимый масштаб работы, И. В. Сталин стоял на своем. Позднее Василевский узнал от Поскребышева, что численность группы определена количеством мест в самолете на случай экстренной эвакуации. Самолеты уже стояли на аэродроме в полной боевой готовности. А. М. Василевский вспоминал, что это было время невероятного напряжения сил. Дни сливались с ночами. Жили одной мыслью: отстоять Москву.

Что же входило в обязанности Оперативной группы?

«Прежде всего, — писал А. М. Василевский в книге «Дело всей жизни», — она должна была всесторонне знать и правильно оценивать события на фронте; постоянно и точно, но без лишней мелочности информировать о них Ставку; в связи с изменениями во фронтовой обстановке своевременно и правильно вырабатывать и докладывать Верховному Главнокомандованию свои предложения; в соответствии с принимаемыми Ставкой оперативно-стратегическими решениями быстро и точно разрабатывать планы и директивы; вести строгий и непрерывный контроль за выполнением всех решений Ставки, а также за боеготовностью и боеспособностью войск, формированием и подготовкой резервов, материально-боевым обеспечением войск».

С 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах было введено особое положение. К концу октября едиными усилиями армии и тружеников тыла удалось остановить наступление врага, превосходящего нас численностью и вооружением.

28 октября 1941 года А.М. Василевскому было присвоено очередное воинское звание «генерал-лейтенант».

Все это время Оперативная группа Генерального штаба работала с предельным напряжением. «Иногда, — вспоминал А.М. Василевский, — возвратившись около четырех часов утра от Сталина, я, чтобы реализовать принятые в Ставке решения, обязан был дать исполнителям или фронтам необходимые указания. Порою это затягивалось далеко за четыре часа (время окончания работы, определенное Сталиным). Приходилось идти на хитрость. Я оставлял у кремлевского телефона на письменном столе адъютанта, старшего лейтенанта А.И. Гриненко. На звонок Сталина он обязан был докладывать, что я до десяти часов отдыхаю. Как правило, в ответ слышалось: «Хорошо».

Командование значительно усилило войска Западного направления вновь сформированными и хорошо вооруженными армиями.

15-18 ноября враг возобновил наступление, однако в начале декабря вынужден был перейти к обороне, при этом понеся большие потери. Этим завершился наиболее трудный период великой битвы.

Идея контрнступления под Москвой возникла еще в начале ноября. Однако реализовать ее удалось только когда противник исчерпал свои наступательные возможности, а его ударные группировки оказались растянутыми на широком фронте. Замысел контрнступления на центральном направлении сводился к тому, чтобы ударами войск Западного фронта во взаимодействии с левым крылом Калининского и правым крылом Юго-Западного фронтов разгромить ударные группировки врага, стремившиеся охватить Москву с севера и юга. Ставка заранее довела до командующих Западным и Юго-Западным фронтами общие задачи, потребовала от них конкретных предложений по их реализации. Западный фронт, которым командовал Г.К. Жуков, должен был сыграть в этом сражении главную роль.

В конце ноября в связи с болезнью Б.М. Шапошникова обязанности начальника Генерального штаба были возложены на А.М. Василевского.

1 декабря 1941 года Сталин и Василевский подписали исторический приказ №005292 о нашем контрнступлении под Москвой.

№ 396

КОМАНДУЮЩЕМУ КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА КОМАНДУЮЩЕМУ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Частые атаки на разных направлениях, предпринятые войсками Калининского фронта 27-29.11, неэффективны. Ставка Верховного Главнокомандования приказала:

1. Калининскому фронту, сосредоточив в течение ближайших двух-трех дней ударную группировку в составе не менее пяти-шести ед., нанести удар с фронта (иск.) Калинин, (иск.) Судимирка в направлении Микулино-Городище и Тургиново. Задача: выходом на тылы клинковой группировки противника содействовать уничтожению последней войсками Западного фронта.

2. Ставка рекомендует включить в состав ударной группировки наиболее боеспособные дивизии (119, 246, 250, 256 сд, отдельную мотобригаду, 54 кд) и большую часть артиллерии РГК и все «РС» и танки.

3. Разграничительная линия между Западным и Калининским фронтами с

24.00 1.12.41 устанавливается: Тургиново, Судимирка, Калязин — все пункты для Западного фронта.

5 сд с частями усиления включается в состав Калининского фронта; кроме того, из состава Северо-Западного фронта передается 262 стр. дивизия.

4. Получение подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Василевский

№ 005292

1 декабря 1941 г.

3 ч. 30 м.

4 декабря А.М. Василевский получил указание отправиться в штаб Калининского фронта, которому предстояло первому начать контрнаступление. Начавшееся 5–6 декабря контрнаступление развернулось во всей своей мощи. Неожиданный удар советских войск произвел ошеломляющее впечатление на противника.

Для решения столь масштабной задачи армии нужны были значительные силы: вооружение, боеприпасы, боевая техника. К моменту перехода наших войск к общему наступлению в танках и авиации Красная Армия уже превосходила врага примерно в полтора раза, по пехоте и артиллерии наши силы были равны.

К началу января 1942 года войска Калининского, Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов вышли на рубеж Селижарово, Ржев, Волоколамск, Руза, Мосальск, Белев, Мценск, Новосиль, где их контрнаступление и завершилось. Это была первая в Великую Отечественную крупная наступательная операция стратегического значения, в итоге которой ударные группировки врага под Москвой были отброшены к западу на 100, а в ряде мест и до 250 км. Непосредственная угроза Москве была ликвидирована и контрнаступление под Москвой переросло в общее наступление советских войск на Западном направлении.

Отец очень ждал нашего возвращения. Мы вернулись к нему, как только спало напряжение под Москвой.

В Московской битве «непобедимые» немецкие войска впервые утратили ореол непобедимости не только в нашей стране, но и в оккупированных фашистской Германией странах, что способствовало усилению движения Сопротивления.

Эта битва, завершившаяся первой сокрушительной победой над врагом, осуществлялась в полном соответствии с приведенными выше словами из документа «Соображения...» Василевского: «...прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление».

Подобная выработанная и проверенная стратегия легла в основу замысла произошедшей через год Сталинградской битвы, а еще полгода спустя — Курской, после которой враг уже только отступал до самого Берлина.

Из книги М.А. Гареева «Полководцы победы и их военное наследие» (Академия военных наук): «Удачный и оригинальный замысел Сталинградской битвы, вошедшей в мировую историю, классической операции и ее блестящее осуществление свидетельствовали о выдающихся полководческих способностях Василевского».

В Курской битве, благодаря выдержке и дальновидности ВГК И.В. Сталина, гибкости и незаурядности стратегического мышления Жукова и Василевского, был выработан совершенно новый взгляд на стратегическую оборону... Это было крупным открытием в военном искусстве, не потерявшим свое значение и в современных условиях».

Александр Михайлович Василевский — генерал-майор к началу Отечествен-

ной войны, через две недели после победы под Сталинградом был удостоен звания маршала. В этом высшее признание Василевского как творца той стратегии, смысл которой он кратко изложил в написанных им 15 мая 1941 года «Соображениях...», и которая была развита и осуществлена в решающих контрнаступательных операциях Великой Отечественной войны.

Творческие озарения в решениях сложнейших и ответственных стратегических задач и последующие успехи на фронтах отцу были дороже любых наград. Они-то и давали неисчерпаемые силы, столь необходимые в экстремальных условиях войны.

Другим источником жизненной энергии была любовь к жене, моей маме, со дня их встречи в 1933 году. Любовь оказалась взаимной, она поглощала их чувства, направляла стремления и, как путеводная звезда, освещала жизнь, проведя через многие посланные им испытания. Моя мама, Екатерина Васильевна Василевская, являлась второй женой отца. Свою жизнь она полностью посвятила ему, следуя за ним, куда бы его ни направляли. Отец стремился не расставаться с мамой даже на фронте, если ему позволяли обстоятельства.

Семейные альбомы хранят фотографии времен войны, сделанные водителем отца Борисом Смирновым: я с мамой у отца в сентябре 1943 года в освобожденном Донбассе (село Матвеевка, Акимовка под Мелитополем); в апреле 1944 года в освобожденном Крыму в Сарабузе-Болгарском и Гурзуфе; в августе 1944 года в Прибалтике; в марте — апреле 1945 года в штабе 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии; в мае 1945 года в освобожденной Риге, а в июле 1945 года на Дальнем Востоке в Малаковке, район Читы, у отца в Штабе Главкома войск Дальнего Востока, а после окончания всей операции — в Харбине.

На одной из фотографий запечатлен подорванный на mine автомобиль «Опель-адмирал», на котором маршал ехал в Севастополь на второй день после его освобождения — 10 мая 1944 года. На другой — чудом оставшийся в живых, с перебитой головой отец на военном аэродроме в Москве. Мама и я были свидетелями этой беды.

Преданность моих родителей друг другу оставалась безграничной до последних дней их жизни. Когда мама тяжело заболела, встал вопрос о срочной операции, однако врачи развели руками, не рискуя ее сделать. Отец вопреки всем настоял на ней, а затем сам выхаживал маму и этим спас ей жизнь. В 1977 году у отца случился инфаркт. Мама, как всегда, находилась неотлучно рядом с ним днем и ночью, вначале дома, а потом в больнице, в реанимации. Она помогала ему всем, чем только могла, до конца надеясь на чудо.

Мое решение стать архитектором, одобренное отцом, еще с одной стороны раскрывает его собственную творческую личность. Окончив школу с золотой медалью, я имел право выбрать любой вуз. Отец принял в этом активное участие. Объехав со мной ряд институтов, он поддержал меня, когда я остановился на Московском архитектурном институте, где мы присутствовали вместе с отцом на защите диплома.

Выбор профессии оказался счастливым, и я с благодарностью думаю о причастности к нему отца. Архитектурный институт соединил меня с моей женой Розой Тевосян. Позднее его окончила и наша единственная дочь — Аня Василевская. Ее детство прошло у бабушки и дедушки в их загородном доме в Архангельском. Дедушка обожал внучку, любил ее разыгрывать и радостнее всех смеялся сам.

Отец всегда дорожил домашним очагом и в послевоенные годы с душевной широтой стремился сохранить целостность большой семьи, разбросанной по разным городам России. Он поддерживал теплые отношения со всеми родственниками, а племянников, Валерия и Наркиса Евхаритских, Станислава Василевского, любил не меньше, чем родных сыновей. В нашем доме все соединялись за одним

Правнук Андрей у памятника А.М. Василевскому в Калининграде.
Начало 2000-х годов

большим столом во время продолжительных трапез с рассказами о событиях в их жизни, в которых он принимал живейшее участие. Когда отца в последний раз увозили в больницу, он сказал моей жене: «Знай, что ты и Аня для нас самые близкие люди» (он никогда не разделял себя с Екатериной Васильевной). Отец гордился моим старшим сводным братом Юрием, который успешно продолжил его дело и заслуженно удостоен генеральского звания.

Александр Михайлович был скромным и щепетильным человеком, чем хотел воспользоваться во время своего правления Хрущев. Он потребовал от Василевского общественного подтверждения надуманной версии, которая заключалась в том, что во время Второй мировой войны Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин принимал стратегические решения по глобусу. Молчаливый отказ отца не был прощен, и вскоре последовала мелкая и жестокая месть: отцу указали на недопустимость владения собственной дачей. В результате загородный дом, в котором наша семья жила многие годы, построенный полностью на средства семьи, был безвозмездно передан Министерству обороны. История нашей семьи очень напоминает историю Государства Российского, у которого точно так же и в тот же период изъяли Крым вместе с побережьем Черного моря. В нашем загородном доме отец написал книги «Дело всей жизни» и «Патриотизм советской молодежи в Великой Отечественной войне», а также многочисленные статьи в журналы, которые ему постоянно заказывали, поскольку интерес к его объективной и глубокой оценке минувших событий никогда не угасал.

Разрушительное воздействие власти Хрущева распространялось на всю нашу семью. Отец моей жены, Иван Федорович Тевосян, во время войны возглавлял Наркомат черной металлургии, в задачу которого входило бесперебойно обеспечивать металлом нужды фронта. В 1943 году Тевосяну, одному из первых в стране, было присвоено звание Героя Социалистического Труда — «за исключительные заслуги перед государством в области организации производства качествен-

ного и высококачественного металла для всех видов вооружения, танков, авиации и боеприпасов в трудных условиях военного времени». С маршалом Василевским его связывали не только проблемы оборонной промышленности, но и внутренняя близость, возникшая во время поездки в ноябре 1940 года в Берлин в составе правительственной делегации. В 1956 году Тевосян предложил свой аргументированный план реформ в промышленности, идущий вразрез с намерениями Первого секретаря ЦК, что стоило ему жизни.

Хотя последние 20 лет отец не имел руководящей должности в Министерстве обороны, притяжение его личности оставалось огромным. Продолжал звонить телефон, приезжали коллеги, военные историки, редакторы крупных издательств, известные журналисты... Вокруг него никогда не утихала жизнь. Особенно памятно интервью, над которым работал писатель и тележурналист Василий Песков — их встречи сопровождались исключительно доверительным общением.

В последние годы к Александру Михайловичу часто приезжал писатель Константин Симонов. Они вели долгие беседы вдвоем — война продолжала оставаться для них главной темой. Позднее у Симонова сложился сценарий документального фильма «Маршал А.М. Василевский», и он настойчиво уговаривал Александра Михайловича дать согласие сниматься. Однако маршал отказался: то, что он считал необходимым рассказать о войне, уже было написано им в книге «Дело всей жизни» и многочисленных статьях, а тщеславием он не страдал.

С военачальниками у маршала складывались теплые рабочие отношения. Иногда они трагически обрывались. Так отец глубоко скорбел, когда был убит генерал армии Иван Черняховский, и ввиду его гибели принял на себя командование 3-м Белорусским фронтом. Добрые отношения сохранялись даже в период, когда маршал оказался в опале и в 1957 году был уволен в отставку, что он, как и другой опальный маршал Георгий Константинович Жуков, тяжело переживал. Отец решительно добивался реабилитации военно-морского министра Николая Герасимовича Кузнецова. Их связывало глубокое взаимное уважение. По оценке отца, Кузнецов являлся одной из ярких фигур в Вооруженных Силах, благодаря таланту военачальника, принципиальности и редкому личному обаянию. После смерти Сталина Василевский выступил на съезде партии с ходатайством о полной реабилитации Кузнецова и о возвращении ему звания адмирала флота.

Из воспоминаний маршала Г.К. Жукова: «Нам не раз приходилось выезжать в район боевых действий и участвовать в разработке и проведении таких крупных операций, как Сталинградская, битва на Курской дуге, наступление на правобережной Украине и освобождение Белоруссии. Все, кому приходилось работать с Александром Михайловичем, отмечают его глубокие знания, четкость и яркость мышления. А.М. Василевский не терпел недоработок и догадок на «авось», а всегда требовал от лиц, готовивших операцию, твердых, точных данных и обоснованных прогнозов. С большим удовлетворением всегда вспоминаю нашу дружную работу по организации и проведению операций».

Александр Михайлович не ошибался в оценке оперативно-стратегической обстановки. Поэтому именно его И.В. Сталин посылал на ответственные участки советско-германского фронта в качестве представителя Ставки. В ходе войны во всей полноте развернулся его талант военачальника крупного масштаба и глубокого военного мыслителя. В тех случаях, когда И.В. Сталин не соглашался с мнением Александра Михайловича, Василевский умел достоинством и вескими аргументами убедить Верховного, что в данной обстановке иного решения, чем предлагает он, принимать не следует».

Александр Михайлович вспоминал, что дружественные отношения с Жуковым сложились у него с первых дней знакомства, и во время Великой Отечественной войны они почти постоянно находились рядом. «Ни одной крупной операции не

проходило, чтобы мы оба не участвовали в разработке и осуществлении ее стратегического плана. Сталин, если первое время в начале войны посылал нашего брата к черту, много брал на себя, явно переоценивая свои силы и военные знания, потом изменил к нам свое отношение и особенно в 1943–1944 годах».

Привожу полностью надпись, которую маршал Жуков сделал на своей книге «Воспоминания и размышления», посылая ее А.М. Василевскому. Эта книга как дорогая реликвия хранится в нашей семейной библиотеке.

«Дорогой Александр Михайлович!

Знаю я Вас около 40 лет. Все эти годы Вы блестяще справлялись с порученной Вам работой. Особенно близко узнал я Вас в годы Великой Отечественной войны, когда Вы провели ряд крупнейших стратегических операций. Родина наша никогда не забудет Ваших заслуг в борьбе со злейшим врагом человечества — немецким фашизмом и по заслугам считает Вас виднейшим полководцем Советской Армии.

Я с удовольствием вспоминаю Ваши умные решения, когда Вы были начальником Генерального штаба, представителем Ставки Верховного Главнокомандования и Главнокомандующим войсками на Дальнем Востоке, где Вы умело, в короткий срок, разгромили Квантунскую армию.

Посылаю Вам свою книгу на добрую память.

Обнимаю по-братски.

16/IV-69 г.

Г. Жуков».

Время — лучший судья человеческим деяниям. На протяжении жизни отец убежденно следовал романтическим революционным идеалам. Истинный русский интеллигент, широко образованный, тактичный и скромный, он прошел Великую Отечественную войну как стратег и полководец Советской Армии и, являясь ярким представителем своего времени, достойно продолжил когорту славных военачальников России.

